
КОНФЛИКТНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Любичева Е. В., Бахтуридзе З. З., Суркова Е. А.*

Статья посвящена теме дегуманизации, утрате концептов, которые должны были быть вечными. Рассматривается феномен языка, который пронизывает все области интеракции и незримо присутствует в системе человеческих ценностей, поэтому все в языке имеет смысл. Во многих странах ведется борьба за сохранение родного языка, так как это и есть сохранение народного опыта, системы ценностей, норм поведения. Вместе с тем через язык происходит манипуляция массовым сознанием, которой необходимо противостоять.

Ключевые слова: язык, культура, слово, глобализация, полицентричность мира, свобода.

CONFLICT OF LANGUAGE WORLDVIEWS IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

The article is devoted to the topic of dehumanization, the loss of concepts that should be eternal. The considered phenomenon of language penetrates all areas of interaction and is invisibly present in the system of human values, thus, everything in the language makes sense. In many countries, a struggle is going on to preserve native languages and this is precisely the preservation of national experience, value systems, and norms of behavior. At the same time, one should resist the manipulation of mass consciousness that takes place through language.

Keywords: language, culture, word, globalization, polycentricity of the world, freedom.

Разные языки – это отнюдь не различные
обозначения одной и той же вещи, а разные видения ее.
В. фон Гумбольдт

* Любичева Елена Вячеславовна – д. п. н., профессор Педиатрической академии. E-mail: lubicheva-elena@yandex.ru.

Lyubicheva, Elena V. – Doctor of Pedagogy, Professor of the Pediatric Academy. E-mail: lubicheva-elena@yandex.ru.

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна – д. полит. н., профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. E-mail: zeinabb1000@list.ru.

Bakhturidze, Zeinab Z. – Doctor of Political Science, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. E-mail: zeinabb1000@list.ru.

Суркова Екатерина Александровна – к. п. н., учитель английского языка школы № 356, г. Санкт-Петербург.

Surkova, Ekaterina A. – Candidate of pedagogic sciences, English-language teacher, school No. 356.

Что получится, если мы все будем смотреть
на мир глазами англоязычных народов?

С. Тер-Минасова

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей
на Страшный господень суд.

Р. Киплинг

Из далекой мглы веков Библия с помощью образов-символов рассказывает нам легенду о строительстве Вавилонской башни: «На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с Востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там... И сказали они: “Построим себе город и башню, высоту до небес; и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли”. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы они не понимали речи другого...» (Бытие 11: 1–9).

Глубинный и поистине общечеловеческий смысл этой истории: не было единства и взаимопонимания (заметим: само название «Вавилон» означало на древнееврейском языке «процесс смешения»). К сожалению, со времени построения Вавилонской башни в памяти народа стирались и детали плавления Ноя, «строителя человеческого корабля жизни», и подробности всечеловеческой катастрофы – Всемирного потопа, и запрет Бога проливать человеческую кровь.

Увы, необходимость единства, мира и взаимопонимания остается проблемой, неразрешенной по сей день. История нас не учит.

Время, в которое мы живем, – это эпоха смуты, конфликтов и глобальных катастроф. Бесконтрольный материализм не способен установить мир ни внутри, ни снаружи. Цепь актов агрессии и эксплуатации вызвала крушение мира. А как известно, насилие порождает насилие. По мнению В. Маркова, «бездуховность, смыслоутрата, крушение идеалов, отчуждение людей друг от друга и человека от самого себя – апокалипсические приметы времени... Повсюду “хаос шевелится”... Дискредитирована и сама идея человека» [Марков 1994: 280]. За столь короткое время изменилась и культура, особенно на Западе. Жажда разрушения – вот первое, что бросается в глаза, когда мы приступаем к анализу и оценке массового поведения. Демонстративно разрушаются все традиционные ценности, нравственные нормы, общечеловеческие идеалы, которые складывались внутри человеческого рода еще до возникновения религии.

Двойные стандарты, моральное нищенство на Западе привели закон полярности в действие: с одной стороны, материальное благополучие и процветание, с другой – ослабление связей с традиционной культурой. Бесстыдная эксплуатация благородных идей демократии, свободы мысли, выражения, вероисповедания привела к извращению многих понятий, которые должны оставаться вечными и неуязвимыми.

Вне всяких сомнений, мы живем в быстро меняющемся мире. Глобализация вместе с положительными последствиями, среди которых можно обозначить становление глобального гражданского общества и формирование глобального информационного общества, привнесла и негативные последствия, в частности – концентрацию капитала в наиболее развитых странах, возможность воздействовать на экономику любой страны, «макдональдизацию мира», появление «власти сетей».

Ситуация осложняется еще и тем, что «важнейшей сферой геополитического противоборства в XXI столетии становится культурно-цивилизационная среда и духовная сфера» [Ивашов 2012: 31], а бесконечные попытки европеизации мира со стремлением к стиранию границ, привнесением европейских ценностей как единственно правильных привели к однозначному усилению самой важной цели – «не отгородившись от остального мира, сохранить свою самобытность» [Васильева, Лагутина 2011: 101].

Мир полицентричен, а «каждая из цивилизаций, будь то Запад, Россия, мусульманский мир или Китай, играет свою роль и развивается в общецивилизованном потоке самостоятельно, своим путем, не отказываясь от своих, только им присущих ценностей» [Кортунов 2009: 542].

Стремление одного из центров, в частности Запада, достичь господства над другими создает серьезную угрозу, ведь «покушение на многогранность мира – посягательство на законы мироздания» [Там же: 542–543].

Само слово «демократия» в своем первоначальном значении – «власть народа», следовательно, правительство должно быть «народным». И тем не менее сегодня мы видим, что большинство стран, по сути дела, являются «демонократиями» (Н. Шривастава). Ими правят люди, которые ориентированы или на деньги, или на власть. А где же народ – главная составляющая этого понятия? Возможно, народ безмолвствует, народ поддается внушениям и манипуляциям, освобождая себя от ответственности, превращаясь в послушную, управляемую, ведомую психологическую толпу. Тот самый феномен «человека-массы», о котором писал Серж Московичи, отмечая, что в психологической толпе уровень человеческой общности стремится к низшему уровню ее членов. Так, демократия проявляется не как власть народа, а как власть над ним посредством превращения его в массу.

Особо отметим, что слово «демократия» (ср.: фр. – *demokratie*; нем. – *demokratie*; англ. – *democracy*), как и другие политические термины, своим происхождением обязано греческому языку, так как именно в Греции (а также в Италии – на родине древнего латинского) зародились основные принципы устройства государства, основанные на признании народа источником власти, его гражданских прав и свобод, а также в установлении высших этических норм и понятий: истина, любовь, красота, добро, вера, свобода...

Семантика слова «истина» сложна, она «развернута во времени». Этимологически «то, что соответствует действительности», «нечто подлинное», «нечто настоящее», «правда», «верность», «законность» (Срезновский); произв. от *истый* – «тот же самый», «подлинный», «действительный», «настоящий» [Черных 1993:

360], восходит к значению, которое истолковывается через «один», «один» приводит нас к антониму «другой», и от него мы вновь приходим к истине. Истина прослеживается в древнегреческом языке, где корень имел значение «скрывать, таить»; а приставка могла употребляться в двух значениях: «нескрытое», «явное», «чрезвычайно сокрытое, потаенное» [Лукин 1993: 80–81]. Во всех толковых словарях современного русского языка слово «истина» определяется как то, что существует в действительности и соответствует ей. С точки зрения культурной коннотации истина существует независимо от нас, ее надо отыскать, и истина выступает как факт сознания, видение мира. В русской философской мысли – это идея всеединства (В. Соловьев) и человекобожия через борьбу восточного Логоса против западного *ratio*. Одним из этапов философии всеединства (В. Соловьев, Е. Трубецкой, С. Булгаков, И. Флоренский и др.) было создание концепции богочеловечества, где цель творения – соединение творца с сотворенным, воплощение божественного всеединства чувственного рационального и духовного. «Воплощение божественного Логоса в лице Иисуса Христа есть явление нового духовного человека, второго Адама», это «индивидуальное существо, но вместе с тем и универсальное, обнимающее собою все возрожденное духовное человечество» [Соловьев 1901–1903: 151]. «Сближение и взаимопроникновение божественного и природного начал, “свободное подчинение” низших начал – рационального и материального – высшему божественному, приводящее к их единству в Богочеловеке – это форма явления истины» [Лукин 1993: 84]. Истина – правда, справедливость; ложь – неправда, лицемерие... Истина есть истина, ложь есть ложь. Истинные ценности: Не убий! Не укради! Не сотвори себе кумира! Чти отца твоего и мать твою! Не лжесвидетельствуй!..

Религиозный фундаментализм и фанатизм на сегодняшний день стали угрозой миру и спокойствию на Земле. Идет борьба за исключительность той или иной религии. Но вместе с тем все великие философы, пророки, святые никогда не говорили ни о какой исключительной религии. Например, Конфуций ставил на первое место вопросы человечности и гуманизма, китайский мыслитель Лао-цзы говорил о тонком (духовном) плане человеческого существа, пророк Заратустра – о добродетелях, целостности и единстве, Мохаммед Сахиб говорил об Аврааме, Моисее, Христе, о Матери Христа с великим почтением и никогда не проповедовал ислам как исключительную религию (ислам означает: «Я отдаюсь на волю Бога Всемогущего»). Все религии сохранили философию единства, любовь к ближнему. Провозглашение какой-либо страны исламской, или христианской, или иудейской находится в полном противоречии с концепцией равенства.

В таких триадах, как «истина, добро, красота» или «вера, надежда, любовь», испокон веков воплощалась идея высших духовных ценностей человека. К сожалению, сегодня многие понятия, являющиеся духовными и нравственными опорами человечеству, очень произвольно интерпретируются или искажаются. Где хаос, там разрушены основные законы общежития – законы морали. Произошла подмена слов «свобода вероисповедания» словами «свобода совести». Но если совесть свободна, то ее вроде бы и нет. Должна быть совесть, а не свобода от нее.

Идея свободы в современном мире – это отказ от мудрости и праведности. Но свобода не является синонимом «вседозволенности».

Первоначально слово «свобода» во всех языках связывалось с принадлежностью к своему роду, племени, народности. Ср.: др.-нем. *swaba* – «швабы» – народ; гот. *sibja* – «род», «родня», «клан»; др.-инд. *sabha* – «общество», «собрание» [Черных 1993: 148], англ. – др.-англ. *freedom*, от *freo* – «дорогой», «возлюбленный», «друг», и употреблялось по отношению к свободным членам клана [Online...].

Современное значение в русском языке – это «отсутствие политического и экономического гнета», «возможность жить и мыслить без давления с чьей-либо стороны», «воля» [Черных 1993: 148].

В современном английском языке слово *freedom* толкуется как «право действовать, говорить и думать, как хочет человек», «отсутствие подчинения иностранному господству или деспотичному правительству», «право на самоопределение, связанное с волей», «свойство быть независимым от судьбы или необходимости» [Lexico].

Совесть – «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед людьми и обществом, появилось в др.-рус. языке в XI веке в значении “разумение”, “понимание”, “знание”, “согласие”, “чистота”. В переводных греческих памятниках – “сознание”, “совместное знание” (узнаю вместе с кем-л.)» [Черных 1993: 184].

В английском языке слово *conscience* имеет значение «моральное чувство правильного и неправильного, рассматриваемое как руководство к поведению человека». Рядом с понятием «совесть» стоят «чувство правильного», «моральное чувство», «внутренний голос», «мораль», «стандарты», «ценности», «принципы», «этика», «кредо», «раскаяние, сожаление» и т. д.

В среднеанглийском – в значении «внутренние мысли или знания» – слово произошло от латинского *conscientia*, от *conscient* – «быть причастным к», от глагола *conscire*, от *con* – ‘с’ + *scire* – «знать» [Lexico].

Нравственность (антоним – безнравственность) – это «правила, определяющие поведение; духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил, поведение» [Ожегов 1972: 384]. Этимологически «нрав» – «характер», «психические свойства», «привычки», «особенности поведения, связанные с характером». Др.-рус. – «стремление», «желание», «доблесть», «добродетель», «обычай», «образ действия» (ст.-слав. «норов») [Черных 1993: 580].

По словарю В. И. Даля, «нравственность» (или «духовный») – антоним к «суетный» – телесный, плотский. А «нравственный» – это духовный или душевный. Ум и нрав слитно образуют дух. К нраву относятся (как понятия подчиненные): воля, любовь, милосердие и пр. Согласный союз нрава и ума (то есть единства души), сердца и думки – образует стройность, совершенство духа [Даль 1998: 1448–1449]. К нравственному В. И. Даль относит добро и зло: «Христианская вера заключает в себе правила самой высокой нравственности», – пишет он и так раскрывает этот постулат: «Нравственность веры нашей выше нравственности

гражданской» – вторая «требует только строгого исполнения законов», первая же «ставит судьей совесть и Бога» [Даль 1998: 1449]. Следовательно, нравственность и совестливость – синонимы.

В английском языке близкими по значению к русскому понятию «нравственность» являются понятия *morals*, *ethic*, *rectitude*. При этом *morals* определяется как «стандарты (нормы) поведения», «принципы правильного и неправильного»; под *ethic* понимается «набор моральных принципов, особенно по отношению к выделенной группе людей, области деятельности или форме поведения»; *rectitude* означает «правильное с точки зрения морали поведение или мышление; праведность, добродетельность» [Lexico].

Глубокие нравственные требования наставляют нас противостоять внешним неблагоприятным условиям, потому что «нравственное – всегда экологичное. Как, впрочем, и наоборот: экологичное – всегда нравственное, оно несет добро для всех и служит всем» [Скворцов 1994: 102].

Слова, несомненно, имеют силу. «Благородство», «мужество», «честь», «правда», «совесть», «добродетель», «любовь», «долг», «забота», «милосердие» воздействуют исцеляюще, а антиморальная семантика, например, слова: «зло», «жестокость», «ложь», «низость», разрушительны для души. Признавая тот факт, что слова обладают мощным воздействием на душу, сложно не согласиться с тем, о чем писал в статье «О том, что такое слово» (1844 г.) Н. В. Гоголь: «Обращаться со словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку».

Совесть сегодня немощна (особенно у западных политиков), и поэтому идет манипуляция понятиями и фактами. Какое может быть доверие людей друг к другу при такой лукавой замене имен? Какое экономическое процветание может быть в условиях конфликтов и недоверия?

Язык – это «дом бытия» (М. Хайдеггер); посредник между индивидами и между человеком и миром, то есть всечеловеческий инструментарий; язык есть «проявление духа народов» (В. Гумбольдт). Так, российскими исследователями выдвинута гипотеза о том, что «значительная часть важнейших современных международных и внутривосточных проблем имеет лингвистическую подоплеку, и все политические процессы имеют лингвистическое отражение» [Ягья 2009: 14].

Действительно, язык – не только средство мышления и общения, но и универсальная моделирующая система, формирующая специфические черты мировидения и миропонимания. В нем – духовный потенциал народа, его история, традиции, эволюционный ресурс, его быт и бытие. Язык незримо присутствует в нашей системе ценностей и жизненных установок, он выступает как своеобразная операциональная система для наших мысли и поведения. Все это определяет понятие «национальный языковой менталитет». По В. В. Колесову, «менталитет в своих признаках есть наивно целостная картина мира в ее ценностных ориентирах, существующая длительное время, независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях; проявляется в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе общности языка и воспитания и представляет собой часть

народной духовной культуры (выделено нами), которая создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования» [Колесов 2004: 11]. В лексической и грамматической семантике нет ничего случайного, то есть в языке все имеет смысл: «Содержание всякой культуры может быть выражено с помощью ее языка, и не существует таких элементов языкового материала, ни содержательных, ни формальных, которые не символизировали бы никакого реального значения, каково бы ни было к этому отношение тех, кто принадлежит к другим культурам» [Сепир 1993: 226]. Здесь можно говорить об «этноцентрическом способе отношения к миру, этноцентрической реакции на мир, имеющих главным образом языковую природу» [Радбиль 2011: 55].

Сигналы языкового мира выражены в словах-концептах, в лексике, фразеологии, в пословицах, поговорках, крылатых словах и выражениях, вариантах многозначного слова, коннотациях, сказках, речевом этикете, текстовых показателях и др.

Различие содержания культурных концептов можно наблюдать, например, при сравнении русского концепта «дружба» и английского «friendship» [Wierzbicka 1997]. Те, кого мы называем друзьями, – не просто знакомые нам люди, с которыми мы общаемся в силу обстоятельств и нашей с ними совместной деятельности (учебы, работы и т. д.), и даже не те, чьи интересы и увлечения совпадают с нашими. Это прежде всего люди, близкие нам по духу, те, которым мы доверяем свои мысли и чувства, к которым мы можем обратиться за советом и помощью. Английское “friend” имеет гораздо более широкое значение и толкуется как «человек, с которым кого-то связывает взаимная симпатия», а также «знакомый», «не враг», «не противник» [Lexico]. Нужно отметить, однако, что значение русского слова «друг» нивелируется в контексте использования его в социальных сетях; зачастую у пользователя социальной сети может быть несколько сотен «друзей», с большинством из которых он, возможно, не общается даже виртуально, не говоря уже о личном общении. Здесь мы наблюдаем столкновение менталитетов, которое выражается во взвешенном отношении к подобной ситуации и в понимании того, что «друг» виртуальный – это не то же самое, что «настоящий друг».

Фразеология любого языка хранит в себе как представления о традиционном укладе жизни народа, так и многовековую народную мудрость. Имеется сходство в значениях русских и английских пословиц, поговорок и фразеологических оборотов (ср., например: «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда» и «No rains, no gains»). В то же время другие фразеологические единицы отражают различия в психологии народов. Так, например, выражение «душа болит» невозможно перевести на английский дословно. Русской душе соответствует английское «сердце» (heart). Поэтому эквивалентом русскому выражению «душа болит» являются английские «one’s heart is aching», «an ache in one’s heart» [*Ibid.*].

Отдельным аспектом для сравнения является анализ этнокультурной специфики речевой деятельности, например, сравнительно-сопоставительный анализ этикетных норм речевого и неречевого поведения носителей русского и английского языков. Вопросы эквивалентности и уместности формул приветствия, прощания, выражения благодарности, поздравления, сочувствия и других речевых

функций невозможно решить без понимания особенностей принципов вежливости, имеющих культурно-специфичное проявление.

В. фон Гумбольдт считал, что «через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа» [Гумбольдт 1985: 349]. Эти слова сегодня звучат особенно актуально. Идеи Гумбольдта мы находим в работах И. И. Срезневского, А. А. Потебни, Э. Сепира, Б. Уорфа, Р. Ладо и других лингвистов.

Описание языковых картин мира, их изучение – это прежде всего «осознание самих себя, своих языков, своего видения мира не в меньшей степени, а, может быть, в большей степени, чем знакомство с другими языковыми культурами» [Монакин 1993: 79]. Это осознание «единства различий» на всех ступенях языковых отношений: от близкородственных языковых единств до единства «ноосферического», где существует «только один человеческий язык над всеми широтами, единый по своему существу» [Виндриес 1937: 217]. Единство различий языковых структур и языковых картин мира существует в двух основных сферах: в сфере микросоциума (непосредственно данного языкового коллектива) и в сфере макросоциума, то есть в пределах космического информационного поля – на уровне ноосферы. В общей концепции В. И. Вернадского именно языку на уровне макросоциума отводится значительная роль в создании новой формы биогеохимической энергии, «энергии, которую можно назвать энергией человеческой культуры, или культурной биогеохимической энергией» [Вернадский 1991: 126].

Под всеобщим человеческим языком следует понимать единый когнитивно-семантический континуум (поле Разума), который выступает организующей силой содержательной стороны всех языков и знаний о мире, хранящихся и передаваемых невербальным путем. Этот континуум растворен в квантах единого информационного поля, которые «являются организующей, управляющей вакуумной основой наблюдаемого вещественного энергетического мира (содержательным смыслом пси-функции в квантовой теории)» [Татур 1991: 18]. А. Е. Акимов и Г. И. Шилов назвали этот вакуум «торсионным полем кручения»; «полем сознания». В психологии о рассмотрении роли идеальной формы в процессе развития личности писали: Л. С. Выготский (поле культуры), Б. С. Кузин, А. Г. Гуревич (поле духовности), М. М. Бахтин (поле хронотопа), В. В. Налимов, Ж. В. Дрогалина (семантическая вселенная), В. И. Вернадский (ноосфера) и др. Таким образом, в самой семантике языка заложена информация, признаком которой служит сам факт вычленения словом того или иного фрагмента видимого или невидимого мира; на индивидуально-речевом уровне семантика слова, локализованная микросоциумом, осложняется культурной и личностной семантической информацией, или смыслом, который и может приводить к непониманию и конфликтам как на межнациональном, так и на межличностном уровне.

Создатель мира наделил людей здравым смыслом, но увы...

Смыслообразующая матрица сегодня изменилась: остались агрессия, подмена ценностей, двойные стандарты... Современное время выстраивает свой «интерьер смыслов»: конкуренция, борьба, гонка вооружений, информационные войны, перекраивание политической карты мира.

Тревожащим фактом является усиление внутреннего давления на наиболее слабые государства, которое может привести к росту числа несостоявшихся или исчезнувших государств. Весьма велика угроза того, что на их месте появятся самоуправляемые нестабильные территории. Подобное развитие ситуации может привести к асимметричным противостояниям, когда конфликты будут разворачиваться между государствами и различными негосударственными участниками международного общения, в том числе и внесистемными акторами, не подчиняющимися принципам международного права, играющими вне правил.

Политический дискурс, существующий в международной сфере на современном этапе, отражает сложную систему «международной коммуникации, которая в большинстве случаев носит конфликтно-конфронтационный характер» [Абраменко 2015: 295]. Отчасти причина этого кроется в разнородности субъектов международных отношений, приводящей к возникновению асимметричной политической коммуникации. В такого рода отношениях «один из субъектов коммуникации может обладать ресурсно-силовой мощью и статусом, а другой – идеологическим и структурным преимуществом. Таким образом, у сторон формируются разные несовпадающие потенциалы превосходства» [Там же: 296]. У каждой из сторон есть преимущества и слабости, более того, в современном динамично меняющемся мире количество переменных (преимуществ и слабостей) может увеличиваться с удивительной скоростью, что приводит к непредсказуемому результату противостояния.

Меняется и общественное сознание: «...размываются оценочные корреляты хорошо-плохо, структурирующие наш опыт и превращающие наши действия в поступки...» [Баранов 1990: 167].

Например, отношение к семье. Семья как социальный институт формирует личность человека, обеспечивает его первичную социализацию, транслирует ценности культуры. Семейный уклад и семейные отношения тесно связаны с этическими, нравственными и мировоззренческими представлениями. В русской и английской культурах понятие «семья» имеет общее значение: семья воспринимается как группа близких родственников, живущих вместе. Как для русской, так и для английской культуры отмечается уважительное отношение к старшему поколению, важность поддержки членов своей семьи, заботы о них, воспитательная функция семьи. В английской культуре большое значение уделяется понятиям «род», «предки», «родословная» и подчеркивается важность именно кровных уз, в то время как для русской имеет значение не только кровное родство, но и родство, связанное с обрядом крещения (крестная мать, крестный отец), а также родство духовное, побратимство.

В современном обществе происходят изменения, затрагивающие традиционные представления о семье. Так, в западноевропейских культурах наблюдается трансформация, а зачастую – разрушение представлений о традиционном семей-

ном укладе и семейных отношениях, о роли отца и матери, взаимоотношениях между старшими и младшими членами семьи, тем самым искажаются или исчезают фундаментальные семейные ценности. Показательно, что новые представления о семье закрепляются в словарных статьях лингвистических словарей: например, толковый словарь американского варианта английского языка *Merriam-Webster Dictionary* указывает на то, что семья может быть традиционной (двое родителей, воспитывающие своих детей), а может представлять «различные социальные объединения, отличающиеся от традиционной семьи, но считающиеся эквивалентными ей» [Merriam-Webster...].

Различные системы ценностей, иногда весьма противоречащие друг другу, предлагают совершенно непохожие картины мира, каждая из которых считается единственно верной. Особенно это касается западной модели, которую позиционируют в качестве эталона, образца для подражания, желанного результата развития любой цивилизации.

Запад – это далеко не весь мир. Возникает закономерный вопрос, каким образом девиз европейцев, гласящий «*In varietate concordia*» («Согласие в многообразии») может быть реализован в дихотомии «Восток – Запад», где моральный кодекс, нормы культуры и духовные ценности служат определенным водоразделом, порождая совершенно различные способы взаимодействия [Любичева и др. 2019: 130]. Кризис западной политики мультикультурализма со всей очевидностью продемонстрировал пагубность наивных ожиданий европеизации культур, корни которых – в глубине веков.

Семантические континуумы каждого языка отражают, с одной стороны, основную информацию общечеловеческой когнитивно-семантической сферы, с другой – информацию когнитивно-семантической сферы национального языка, национального видения мира.

Множественность «миров», «картин мира», «систем отсчета»...

Единой картины мира не существует, хотя и намечаются программы «синтезов». Но об опасности глобализации предупреждал К. Ясперс: «Объединение людей земного шара привело к процессу нивелирования, на который мы взираем с ужасом. Всеобщим сегодня всегда становится поверхностное, ничтожное и безразличное... Одежда повсюду одинакова. Одни и те же манеры, танцы, одинаковый спорт, одинаковые модные выражения; месиво, составленное из понятий Просвещения, англосаксонского позитивизма и теологической традиции, господствует на всем земном шаре» [Ясперс 1991: 335–336]. Добавим: различные стороны экономической, политической, военной, социальной и культурной жизни различных этносов, государств развиваются неравномерно. Поэтому «высокоразвитые» страны начинают доминировать и навязывать другим государствам свои «ценности».

Между тем именно в потенциально слабых государствах находятся значительные запасы природных ресурсов, которые необходимы экономикам развитых государств. Количество конфликтов за обладание и удержание подобных ресурсов постоянно увеличивается. Коль скоро международная безопасность определяется способностью мирового сообщества предвидеть и своевременно осуществ-

лять назревшие перемены, возникает извечный вопрос: что делать? Ответ лежит на поверхности. Необходимо вернуться на круги своя. Первый шаг – это самооценка своих действий и поступков, своего образа жизни и ее цели как на уровне отдельной личности, так и в масштабах нации и государства.

Выбор у нас один: или мы переходим на духовный уровень развития, возрождаем ценностные ориентации, следуем этическому и нравственному кодексу, или, «если у человечества не достанет воли и разума найти согласованные решения, то, будучи саморегулирующейся системой, жизнь (биосфера) сама все поставит на свои места» [Чумаков 2008: 94]. Но остается открытым вопрос: если действия человечества окажутся столь деструктивными, будет ли ему место в этой новой системе?

Новшества в языке и речи неизбежны, а вот отношение к ним зависит от многих причин. Во-первых, ни один язык не содержит исчерпывающим образом культуры человечества, а изучение многих языков должно служить украшению и укреплению родного языка. Во-вторых, надо говорить и писать по совести и требовать этого от других. И, в-третьих, следует изменить отношение к языку, чтобы он стал действительно свободным, действительно правдивым и действительно могучим. И нельзя забывать, что «языки возникли не по произволу и не по договору, но вышли из тайников человеческой природы» [Гумбольдт 1984: 324]. Родной язык – это прежде всего феномен культуры и ее транслятор, инструмент формирования мысли и внутренней речи, средство в достижении понимания человека человеком и величайший учитель, начиная с колыбельной песни, народной сказки до великих творений художественного творчества – школ духовности и человечности.

Термином «мировой язык», который возник в конце 90-х гг. прошлого века, можно обозначить социально-лингвистическое явление, отражающее тенденции ряда языков (английского, французского, русского) к стремлению выполнения максимального количества общественных функций в интернациональном масштабе.

Широкое распространение русского языка в зарубежных странах, укрепление его позиций в системе просвещения и образования многих государств, превращение его в один из важнейших языков международной коммуникации привлекает пристальное внимание лингвистов, социологов, культурологов, политологов и т. п. и является задачей первостепенной государственной важности.

По мнению В. С. Библера, вне культуры – истории культуры, диалога культур (осуществляемом в нашем сознании и разуме) религия – не духовность, а удобное идеологическое заклание. Заклание, могущее стать роковым для последних лет социальной, политической, умственной, эмоциональной и, в конце концов, духовной жизни.

Мы живем в обществе, раздираемом политическими, национальными, социальными, религиозными противоречиями. Важно помочь людям найти общий язык, понять друг друга, выйти из эйфории национального и культурного эгоцентризма, в котором сейчас хочется искать самоутверждения.

Габриэль Маркес, Эрих Фромм разработали дихотомию «иметь и быть». Данные глаголы – два универсальных подхода к жизни; равновесие их создает норму, потеря равновесия – кризис. Западная цивилизация пошла в сторону «иметь» (вещи, ресурсы, информацию...) и падения качества бытия. Бездуховность приводит к бунту.

Китайская идея вечного Дао, распадающегося на инь и ян. Инь перекликается с «быть»; ян – рационально, ближе к «иметь». Инь и ян не столько противостоят друг другу, сколько дополняют: мужчина и женщина вместе создают семью.

И в заключение. Историю можно созерцать с разных сторон и в разных аспектах. Один из самых плодотворных – взгляд на историю как прогресс нравственно-духовных задач, как постепенное расширение рамок солидарности, взаимопонимания, сотрудничества, содействия, соучастия.

На пространстве мировой политики и международных отношений остается открытым вопрос о том, будет ли найден баланс между глобализацией и национальной идентичностью. Что касается нашей страны, «она должна вновь осмыслить себя в категориях планетарного масштаба, исторического предназначения и цивилизационной роли», так как «выживание Отечества и дальнейшее развитие российского общества в новых условиях транснационального, глобального и демократического мира, достоинство личности и безопасность семьи, национальная безопасность, состыкованные с региональной и всеобщей, – это и есть ядро становления нового мировоззрения» [Кортунов 2008: 11].

Сейчас сотрудничество и взаимопонимание на глобальном уровне представляются необходимыми. Опорой становятся концепты, нравственные постулаты, система табу, поэтому необходим диалог, который позволит понять друг друга, диалог вероисповеданий и культур.

При этом следует понять, что великие религии, философские гуманистические учения – это разные языки духовного опыта, а в различии языков – богатство мира. Тогда не нужно будет исправлять, насаждать, а просто принимать это разнообразие как совершенно естественное. И человек будет прокладывать свой личный путь в общем поле культур и религий, ведь чтобы сохранить и углубить единство мира, необходимо разрушить не вероисповедания и культуры, а стены между ними. Это решение не одного дня, но начать его реализацию необходимо уже сейчас.

Литература

Абраменко А. В. Речевые стратегии конфликта в асимметричной политической коммуникации (по материалам российско-грузинского конфликта 2008 г.) // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 294–304.

Баранов А. Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание. М. : Центральный совет методологических семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. С. 166–177.

Васильева Н. А. Лагутина М. Л. Философские вопросы науки о мировой политике. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011.

Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М. : Наука, 1991.

- Виндриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М. : Соцэкгиз, 1937.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984.
- Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М. : Цитадель, 1998. С. 1448–1449.
- Ивашов Л. Г. Глобальный мир стремится к биполярности // Геополитика и безопасность. 2012. № 1(17). С. 28–33.
- Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004.
- Кортунов С. В. Проблемы национальной идентичности России в условиях глобализации. М. : МНФ, 2008.
- Кортунов С. В. Национальная идентичность. Постижение смысла. М. : Аспект Пресс, 2009.
- Лукин В. А. Концепт истины и слово «истина» в русском языке. Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 63–86.
- Любичева Е. В., Бахтуридзе З. З., Суркова Е. А. По направлению к поликультурному языковому образованию // Сборник трудов VII Международной научно-практической конференции «Русский язык в современном Китае». Чита, 2019. С. 129–133.
- Марков В. Мир. Символ. Метафора (Модальная антология). Рига : Латвийская академия наук, Ин-т философии и социологии, 1994.
- Монакин В. И. Языковые картины мира в перспективах контрастивной лингвистики // Язык и культура. Вторая международная конференция. Доклады. Киев, 1993. С. 77–83.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Советская энциклопедия, 1972.
- Радбиль Т. Б. О концепции изучения русского языкового менталитета // Русский язык в школе. 2011. № 3. С. 54–60.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, 1993.
- Скворцов Л. И. Язык, культура и нравственность // Русский язык в школе. 1994. № 2. С. 100–106.
- Соловьев В. С. Собр. соч. Т. I–IX. Т. 3. СПб. : Общественная польза, 1901–1903.
- Татур В. Ю. Ноосфера. Ноосфера и человечество // Труды семинара «Человек за ноосферу». М. : ИНТО, Объединение «Человек за ноосферу», 1991.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М. : Русский язык, 1993.
- Чумаков А. Н. Современный мир: на пороге фундаментальных трансформаций // Век глобализации. 2008. № 2. С. 88–94.
- Ягья В. С. Лингвистическое измерение мировой политики. СПб. : СПбГУ, 2009.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Политическая литература, 1991.

Lexico [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 21.07.2021).

Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/family> (дата обращения: 24.07.2021).

Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 12.07.2021).

Wierzbicka A. Understanding Cultures Through Their Key Words. English, Russian, Polish, German and Japanese. New York, Oxford : Oxford University Press, 1997.

References

Vasil'eva N. A. Lagutina M. L. Filosofskie voprosy nauki o mirovoj politike [Philosophical Questions of the Science About the World Politics]. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011.

Vernadskij V. I. Nauchnaya mysl' kak planetarnoe yavlenie [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow : Nauka, 1991.

Vindries Zh. Yazyk. Lingvisticheskoe vvedenie v istoriyu [A Linguistic Introduction to History]. Moscow : Sotsegiz, 1937.

Humboldt W. von. Izbrannye trudy po yazykoznaniiu [Selected Works on Linguistics]. Moscow : Progress, 1984.

Humboldt W. von. Yazyk i filosofiya kul'tury [Language and Philosophy of Culture]. Moscow : Progress, 1985.

Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: in 4 Vol. Vol. 2. Moscow : Tsitadel, 1998. Pp. 1448–1449.

Ivashov L. G. Global'nyj mir stremitsya k bipolyarnosti [The Global World Strives for Bipolarity] // Geopolitika i bezopasnost'. 2012. No. 1(17). Pp. 28–33.

Kolesov V. V. Yazyk i mental'nost' [Language and Mentality]. St. Petersburg : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004.

Kortunov S. V. Problemy natsional'noj identichnosti Rossii v usloviyah globalizatsii [Problems of Russia's National Identity in the Context of Globalization]. Moscow : MNF, 2008.

Kortunov S. V. Natsional'naya identichnost'. Postizhenie smysla [National Identity. Comprehension of the Meaning]. Moscow : Aspekt Press, 2009.

Lukin V. A. Kontsept istiny i slovo "istina" v russkom yazyke. Opyt kontseptual'nogo analiza ratsional'nogo i irratsional'nogo v yazyke [The Concept of Truth and the Word Truth in Russian Language. Experience of Conceptual Analysis of Rational and Irrational in Language] // Voprosy yazykoznaniiya. 1993. No. 4. Pp. 63–86.

Lyubicheva E. V., Bahturidze Z. Z., Surkova E. A. Po napravleniyu k polikul'turnomu yazykovomu obrazovaniyu [Towards Multicultural Language Education] // Sbornik trudov VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Russkij yazyk v sovremennom Kitae". Chita, 2019. Pp. 129–133.

Markov V. Mir. Simvol. Metafora (Modal'naya antologiya) [Peace. Symbol. Metaphor (Modal Anthology)]. Riga : FSI LU, 1994.

Monakin V. I. Yazykovye kartiny mira v perspektivah kontrastivnoj lingvistiki [Linguistic Pictures of the World in the Perspectives of Contrastive Linguistics] // Yazyk i kul'tura. Vtoraya mezhdunarodnaya konferentsiya. Doklady. Kiev, 1993. Pp. 77–83.

Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian Language]. Moscow : Sovetskaya entsiklopedia, 1972.

Radbil' T. B. O kontseptsii izucheniya russkogo yazykovogo mentaliteta [On the Concept of Studying the Russian Language Mentality] // Russkij yazyk v shkole. 2011. No. 3. Pp. 54–60.

Sepir E. Izbrannye trudy po yazykoznaniiu i kul'turologii [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Moscow : Progress, 1993.

Skvorcov L. I. Yazyk, kul'tura i npravstvennost' [Language, Culture and Morality] // Russkij yazyk v shkole. 1994. No. 2. Pp. 100–106.

Solov'ev V. S. Sobr. soch. [Collected Works]. Vol. I–IX. Vol. 3. St. Petersburg, 1901–1903.

Tatur V. Yu. Noosfera. Noosfera i chelovechestvo [Noosphere. Noosphere and the Humanity] // Trudy seminarov "Chelovek za noosferu". Moscow : INTO, Ob'edinenie "Chelovek za noosferu", 1991.

Chernyh P. Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]: in 2 vols. Moscow : Russkij yazyk, 1999.

Chumakov A. N. Sovremennij mir: na poroge fundamental'nyh transformatsij [The Modern World: On the Verge of Fundamental Transformations] // Vek globalizatsii. 2008. No. 2. Pp. 88–94.

Yag'ya V. S. Lingvisticheskoe izmerenie mirovoj politiki [The Linguistic Dimension of the World Politics]. St. Petersburg : SPbGU, 2009.

Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii [The Meaning and Purpose of History]. Moscow : Politicheskaya literatura, 1991.

Lexico. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (accessed: 21.07.2021).

Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/family> (accessed: 24.07.2021).

Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com> (accessed: 12.07.2021).

Wierzbicka, A. Understanding Cultures Through Their Key Words. English, Russian, Polish, German and Japanese. New York; Oxford : Oxford University Press, 1997.